

10 МАР 1954

Москва

Газета №

16 МАР 1954

Москва

Газета №

Москва—Лондон

□ □
С. ОБРАЗЦОВ

□ □

Желтый апельсин, висящий в авоське, вдруг засветился, будто внутри у него зажглась электрическая лампочка. Розовое пятно расплылось по белой стене и вспыхнуло на круглом стеклышке циферблата высоты. Стрелки на нем показывают две тысячи метров. Кабина самолета разукрасилась солнечными зайчиками и похожа на веселую дачу или каюту волжского парохода. За стеклом иллюминатора голубая пустыня стала волнистой и аллой. Если прижать лицо к стеклу и склонить глаза влево, видно расплавленное сверкающее солнце — единственный конкретный предмет в этом эфемерном пространстве. Где-то, конечно, есть земля, леса, деревни и города. Здесь — только мы и солнце.

Мы — это советские актеры. Двое читают. Остальные мирно спят между небом и землей, закрыв лица воротниками и шляпами. Досыпают недоспанную ночь в Москве.

Москва в той стороне, где солнце, а впереди, там, где алое, расплываясь, становится розово-голубым, там цель нашего полета — Лондон.

Интересно, какой он?

Я никогда не был в Лондоне, но вместе с героями Диккенса, Голсуорси, Олдриджа много раз бродил по его улицам и сейчас, сидя в самолете, невольно проверяю старые адреса памяти. Захожу в страшную лавку древностей и веселый клуб Пяквика, в лагучу бедняка Ист-Энда и богатую загородную виллу Форсайта.

Мысли мои не идут в логической последовательности, потому что память направляет их по каким-то ей одной известным ассоциациям. Соме Форсайт собирал картины, и я начинаю думать, что увижу замечательных английских художников Хоггарта, Констэбля, Генеборо, Тернера. Тернеровское море напомнило мне настоящие, а не изображенные берега Англии, которые я видел более четверти века назад, когда осенью двадцать пятого года вместе с группой Музыкальной студии Художественного театра плыл из Бремерхафена в Нью-Йорк и наш паром зашел в английский порт Саут-

хемптон. Вспомнив Ламанш, я увидел Лондон таким, каким представлял его в дни войны, в дни «битвы за Лондон», когда через пролив, через города, расположенные между берегом и столицей, летели фашистские реактивные снаряды, обгоняя звук своего собственного полета, и лондонские дома падали, будто взрывались сами собой. Гибли люди. Матери, жены, дети тех людей, с которыми я встречаюсь в Лондоне и с которыми в годы войны мы жили одним горем и одной волей победы над общим врагом. Разве это можно забыть?

Какие же глаза встретят нас в Лондоне? Открытые и добрые или недоверчиво-прищуренные? Наверно, будут и те, и другие. А каких будет больше? И я начинаю думать об англичанах, с которыми встречался в жизни.

Передо мной возникают плечи и тяжелая голова Черчилля за бархатными перилами ложи Большого театра. Бевин, сидящий в низком, глубоком кресле на приеме во французском посольстве на Якиманке. Композитор Аллан Буш, весело учивший нас танцевать шотландский танец на встрече в ВОКС. Два английских инженера, с которыми в сорок третьем году я познакомился в Иране. Они с гордостью показывали мне карточки своих детей, живших в Лондоне, — мальчика и девочку. Хорошие были дети. Наверное, мальчик сейчас уже женился, а девочка вышла замуж. Интересно, встретятся ли я с членами английской делегации на Международной конференции в защиту детей в Вене? Мы сдружились за время работы конгресса. Вероятно, большинство из них живет не в Лондоне, а в каких-нибудь других городах. Ну, что ж, мы ведь тоже не все время будем в Лондоне. Может быть, и увижу кого-нибудь из них в Глазго, Бирмингеме, Манчестере или Денди.

В мыслях моих и англичане, и Лондон то кажутся совсем рядом, ощутимыми, конкретными, то заволакиваются туманом и куда-то уплывают. Это очень похоже на то, что происходит в окошечке самолета. Облака поредели, и сквозь прорывы земля то возникает, ясная и четкая, как географическая карта, то заволакивается и исчезает, будто ее и нету совсем.

Пассажиры давно не спят. Кто-то ест жареную курицу — традиционную еду русских путешественников, кто-то сосредоточенно раздает банан.

Посадка в Минске прервала сон. Уже полтора часа прошло с тех пор, как пущенные шины колес оторвались от советской земли. То, что видно в прорыве облаков, — это Польша. Самолет делает маленькое «ух», от которого у некоторых в глазах возникает вопросительное смущение. Это мы вошли в облака. За окном — редкий и быстрый туман, как пар из самовара. И вдруг сразу — светлые поля и на них, как гречневая крупа, мелко насыпан город. В центре города неожиданно большая, совсем не сравнимая с крупинками домов, белая, торжественно-гордая башня.

Это Варшава и строящийся дворец культуры.

Варшава. Очень большое слово. Никогда не забуду ту трагическую ночь тридцать девятого года, когда, сидя в Москве перед радиоприемником и ведя белую ниточку по коротковолновой шкале, я вдруг услышал два торжественных, почти кричащих голоса, перемежающихся то мажуркой, то траурным маршем Шопена. — Враг в городе. Фашисты разрушают Варшаву. — В приемнике сухой треск. Это не обычная радиопомеха. Это звук пулемета. Взрыв, еще взрыв. Стук зениток. Опять пулемет. Взрыв, звон стекла. — «Слушайте все! Слушайте все! — кричат дикторы на разных языках. — Варшава гибнет! Гибнет Варшава!».

Осенью сорок восьмого года я увидел Варшаву. Искалеченный, израненный город возводил строительные леса. Каменики наращивали стены, плотники вставляли рамы, вросельщики гулко стучали

молотками по новым листам железа. В глазах варшавян было счастье и азарт работы, а на языке самое важное слово «будет!». Это слово жизни.

Жаль, что на аэродроме мы всего только час. Хочется проехать в город. Увидеть сегодняшнюю Варшаву. Ведь все, о чем в сорок восьмом варшавяне говорили «будет!», сейчас уже есть, — и магистраль Восток — Запад, и новые заводы, институты, школы, театры.

— Пассажиры просят занять места в самолете!

Опять мы в воздухе. Опять облака, и через два часа столица Чехословакии — Прага.

Злата Прага. Один из красивейших городов мира. Тот, кто был в Праге хотя бы день, уже никогда не забудет крутые улицы и лестницы, ведущие в Пражский Кремль — Градчаны, многослойную готику кафедрального собора, дворы королевского замка, игрушечную улицу алхимиков, средневековые башни, стерегущие Карлов Мост, каменное кружево на стенах и окнах церквей и железные кружева ворот и садовых решеток, астрономические часы на башне старой ратуши и балкончик, на который каждый час выходят двенадцать кукольных апостолов, чтобы встретиться своими нарисованными зрачками с живыми глазами прохожих.

В первый раз я был в Праге в декабре двадцать пятого года. Музыкальная студия МХАТ играла там свои спектакли. В те годы между Чехословакией и Советским Союзом не было дипломатических отношений, а Прага прямо-таки кишела белоохранцами и была одним из центров русской контрреволюции. Но все это не помешало жителям Праги встречать и спектакли наши, и нас, советских актеров, с самой искренней радостью.

С тех пор прошло много лет, трудных и страшных лет горя, страданий, борьбы и победы чехословацкого народа. Когда в тридцать восьмом году Чемберлен вернулся из Мюнхена в Лондон, тот самый Лондон, в который я сейчас лечу, его приветствовали как человека, спасшего Англию от войны. Англичане думали, что их премьер задобрил тигра и повесил на его клетку замок, а на самом деле он этому тигру открыл дверь.

В Лондоне и Париже звенели задроз-

ные бокалы, а по крутым улицам Праги, разбрызгивая талый снег, въезжали фашистские танки. Жители города заперли двери, закрыли окна, закрыли шторы, и каждый следующий день стал страшнее вчерашнего. Лучшие из лучших ушли в партизанские отряды, назвав их именем Яна Жижки, народного героя гуситских войн.

И пришла такая весна, когда настужь открылись окна и двери пражских домов, а Вацлавская площадь наполнилась цветами и песнями, чешскими, словацкими, русскими, украинскими. Советские солдаты радостно улыбались, будто и не было тысяч километров от Волги до Влтавы и сотен боев, принесших свободу чехословацкому народу.

На пражском аэродроме нам предстоит пересадка на другой самолет. В зале ожидания за низенькими столиками мы пьем знаменитое пильзенское пиво «праздрой», и я вспоминаю вторую свою поездку в Чехословакию в сорок восьмом году вместе с Центральным театром кукол. Спектакли в Праге, Брно, Оломоуце, концерт в золотом подземном зале Люцерна, маленький театр Йозефа Скупы и его замечательных кукол, Шнейбла и Гурвинека, огромные цехи пльзенских машиностроительных заводов, неповторимую красоту столицы Словакии — Братиславы и напевную речь ее жителей, торжественный праздник в городе Злине по случаю переименования его в город Готвальдов и удивительную встречу Нового года с шахтерами Остравы, сперва по московскому, а через два часа по пражскому времени.

«Самолет на Амстердам!».

Садимся в огромный четырехмоторный самолет на пятьдесят мест. Яркий электрический свет. Только тут понимаю, что на дворе уже густые сумерки. Через полчаса полета в окошечке такая непроглядная тьма, будто стекло снаружи окрашено черным лаком.

Под нами — скрытые ночью и облаками города и села Германии.

Я вытаскиваю карманный атлас и провожу карандашом прямую, соединяющую Прагу и Амстердам. Она пересекает сперва Германскую Демократическую Республику, а затем зоны американской и английской оккупации. Самолет летит спокойно и уверенно. В небе нет шлагбаумов. Но как беспокойно и сложно сейчас там,

внизу, в этой насильственно разорванной на части большой стране единого народа!

Чуть правее линии нашего полета — Дрезден. В такую же, как сегодня, темную ночь сорок пятого года, в самом конце войны, американские бомбардировщики в течение сорока минут бессмысленно, безжалостно и цинично превратили город в руины.

Я видел Дрезден. Среди пустырей и разрушенных зданий немецкие матери возят в колясочках маленьких послевоенных детей, а в Западной Германии, над которой сейчас летит наш самолет, делается все, чтобы на этих детей с неба снова пала смерть и чтобы снова немецкая земля стала адом. Как жаль, что нельзя отсюда, сверху, крикнуть немцам людям, тем, кого соблазняют выгодами реванша: «Glaubt ihnen nicht!» — Не верьте им! Не о счастье и жизни немецкого народа мечтают банкиры и фабриканты Америки, да и немец Крупн фон Болен не судьбой Германии озбочен. Они меняют людские жизни на доллары. «Glaubt ihnen nicht!».

Скоро Амстердам. Я никогда не видел этого города, но, мне кажется, должен узнать его сверху по расположению уличных фонарей. Ведь он весь изрезан каналами и фактически состоит из ста островов, соединенных тремя сотнями мостов. Недалеко от него называют Северной Венецией. Это самый большой город Голландии, и, хотя столицей считается Гаага, фактическая столица, конечно, Амстердам. Мозг, желудок и кошелек страны.

Триста лет назад это был центр торговли и биржевых операций всей Европы. Это ведь амстердамская биржа первая изобрела биржевые акции. Да и сейчас она играет не последнюю роль в мировой спекуляции, а Амстердамский банк — фактически владеет всех голландских колоний. Амстердам — всеевропейский морской вокзал и оптовый универсальный магазин Европы. В его порту может одновременно уместиться тысяча океанских пароходов, а внутри города чуть ли не каждая улица — маленький порт и чуть ли не каждый дом — склад.

Город торгует нефтью и кофе, табаком и оловом, кораблями, тюльпанами, корицей, перцем, бриллиантами, знамени-

(Продолжение на 4-й стр.)